

ПОНЯТИЕ И МЕСТО КАНОНОВ В ЦЕРКОВНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧИНА ХИРОТОНИИ)

© 2019 г. А. М. Осавелюк

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: msal_kpr@mail.ru

Поступила в редакцию 06.03.2018 г.

На основе анализа научных публикаций, положений источников церковного права дано определение понятия «канон», показано его место, а также взаимодействие с другими нормами в системе церковного права на примере чина хиротонии. Рассмотрены уникальные особенности церковного права, а также особая роль канонов как особых руководящих морально-правовых норм в указанной системе права, их связь с догматами Церкви. Приведены конкретные примеры подтверждающие, что церковное и светское право имеют в себе много общего: имеют общие корни, похожую структуру, некоторые общие источники закрепления норм, находятся в едином территориальном и правовом пространстве, взаимодействуют при решении общих социальных проблем, особенно тех, которые лежат в плоскости высокой нравственности, и др. Сделан вывод о том, что каноны в церковном праве предназначены для того, чтобы своими руководящими предписаниями указать пределы и способы упорядочения церковных правоотношений конкретными правилами и в конечном счете наполнить каноны конкретным и многообразным содержанием. Выстроить соответствующую иерархию из различных норм.

Ключевые слова: Церковное право, апостольские правила, Вселенские соборы, канон, догмат, хиротония, епископ, норма права, источники права, светское право, принципы права.

DOI: 10.31857/S013207690003849-5

В отечественной юридической литературе всегда были публикации, конкретными примерами подтверждающие, что церковное право и светское имеют в себе много общего. А многие известные правоведы справедливо утверждают, что указанные системы права имеют общие корни¹, похожую структуру, некоторые общие источники закрепления норм и др. Например, Г.В. Мальцев отмечал, что в определенном смысле они и сегодня «находятся, по существу, в едином правовом пространстве, должны быть совместимы в нём при решении общих социальных проблем, особенно тех, которые лежат в плоскости высокой нравственности»².

Понятие канона. Как и в любой системе права, первичным элементом церковного права является

норма. Наивысшую юридическую силу среди норм церковного права имеют каноны, которые, собственно, закладывают его основу. Например, известный специалист в области церковного права епископ Далматинский Никодим утверждал, что «церковное право по материалу обширнее канонического, так что это последнее может считаться частью первого, хотя таковой основной частью, на которой первая всецело основывается»³. В.А. Цыпин также подчеркивает, что «нормы права церковного отличаются от норм, установленных государством, тем, что первые имеют более нравственно-принудительный характер: Церковь, которая по преимуществу есть царство свободы, не может употреблять физической силы, как то делает государство; она действует только с помощью духовных средств. Несмотря, однако, на это отличие норм церковных от норм государственных, церковное право со всей справедливостью должно считаться правом в собственном смысле»⁴.

¹ См., напр.: *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000. С. 37, 38, 81–83; *Осавелюк А.М.* О некоторых проблемах канона в церковном праве // *Государство и право.* 2015. № 4. С. 28–34; *Лапаян Р.А.* Христианские корни современного права. М., 2002; *Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца.* М., 2002. С. 212–216; *Селюков Ф.Т.* Происхождение действующего права. М., 1997. С. 34, 132, 133; *Франк С.Л.* Смысл жизни. Берлин, 1936. С. 114–128; *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. М., 2002. С. 325; *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 80.

² *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. М., 2008. С. 515.

³ Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право. Составлено по общим церковно-юридическим источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях / пер. с сербск. Мил. Г. Петровича. СПб., 1897. С. 10.

⁴ *Цыпин В.А., прот.* Церковное право: учеб. пос. М., 1996. С. 6.

Один из важнейших аспектов сходства церковного и светского права — роль канонов и принципов права в указанных системах. Например, в опубликованном в 2013 г. 4-м издании «Общей теории государства и права»⁵, в выступлениях многих участников «круглого стола», посвященного обсуждению указанного академического издания, других публикациях многие специалисты поднимают вопрос о роли принципов в праве, его пределах и о стабильности современного права⁶.

Подобные проблемы давно обсуждаются и среди известных специалистов канонического права, поскольку среди них до сих пор нет единого подхода не только к вопросу о роли, месте и об изменчивости канонов в церковном праве. Некоторые авторы вообще не находят места канонам как особым нормам в церковном праве, считая, что это — «свод книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета, признанных Церковью боговдохновенными, записанных пророками и апостолами и служащих первоисточниками, а также нормами веры; свод религиозных и богослужебных правил, объединяющих вероучение, обряды, нравственные основы христианской жизни, формы церковного искусства, возведенных Церковью в закон; особая группа христианских богослужебных песнопений»⁷.

Архимандрит Иустин (Попович) также утверждает, что «святые каноны — это святые догматы веры, применяемые в деятельной жизни христианина. Они побуждают членов Церкви к воплощению в повседневной жизни святых догматов — солнцезрачных небесных истин, присутствующих в земном мире благодаря Богочеловеческому телу Церкви Христовой»⁸.

В других публикациях дается настолько широкое толкование указанного понятия, что из него следует: каноны имеют весьма отдаленное отношение к праву. Например, в Российском гуманитарном энциклопедическом словаре отмечается, что «канон (от греч. κανών — прямая палка для измерений) — устоявшиеся нормы, правила, традиции.

⁵ Общая теория государства и права: академич. курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 2 «Право». М., 2013. С. 97, 102, 14—170, 415—506.

⁶ Подробнее см.: Кроткова Н.В. Теоретико-правовая наука на современном этапе. «Круглый стол»: «Обсуждение книги “Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 576 с.; 816 с.; 720 с.”» // Государство и право. 2014. № 4. С. 18, 19, 24—26, 28—30; Сатолина М.Н. Современные тенденции развития теории права // Государство и право. 2014. № 4. С. 31, 32, 34.

⁷ Смыкалин А.С. Каноническое право (На примере Русской Православной Церкви XI—XXI вв.): учеб. пособие. Екатеринбург, 2013. С. 362, 363.

⁸ Иустин Попович, архимандрит. Догматика Православной Церкви. Кн. 3. Београд, 1978. С. 257.

1) Каноны в искусстве — правила, определяющие нормы образа, композицию и т.д. 2) Церковные каноны — нормы, регламентирующие жизнь Церкви»⁹.

Широкое толкование (но в ином, богословском смысле) канонам как основе церковного права предлагает Н.Н. Афанасьев, который при этом не отличает их от догматов (основ религии)¹⁰.

Большинство канонистов однозначно утверждают, что каноны имеют прямое отношение к церковному праву, но по-разному определяют это понятие. Например, в предисловии к репринтному дореволюционному изданию Правил православной Церкви епископа Далматинского Никодима прот. Владислав Цыпин пишет, что «фундамент, основу церковного права составляют каноны, иначе называемые правилами»¹¹. Сам же епископ Далматинский Никодим в другом издании утверждает, что канонами «называются церковные законы, содержащиеся в основном каноническом сборнике и обязательные для всей Церкви»¹².

Представляется, что термин «законы» у епископа Никодима является результатом неточного перевода или неточного выбора термина, поскольку в указанном сборнике содержатся не законы, а основополагающие церковные правила святых апостолов, святых Вселенских Соборов, поместных соборов и др.

В.А. Цыпин также отмечает, что «каноны — это основные церковные законы, которые составляют фундамент действующего в Церкви права, причем одинаково во всех Поместных Православных Церквях, во все века церковной истории»¹³. Вместе с тем в другом месте он уже пишет, что Никейский Собор «издал 20 канонов, которые касаются разных вопросов церковной дисциплины. Эти правила (выделено нами. — А.О.) были после Собора приняты всей Церковью»¹⁴. Думается, что если соединить словосочетание первой цитаты указанного автора: «составляют фундамент действующего в Церкви права» и слово «правила» — из второй, мы получим в итоге, что каноны — это все-таки основополагающие правила.

⁹ Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. М.; СПб., 2002.

¹⁰ См.: Афанасьев Н.Н. Неизменное и Временное в Церковных Канонах // Живое Предание. М., 1997. С. 92—109.

¹¹ Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского / пер. с сербск. Предисл. Прот. Владислава Цыпина: в 2 т. Т. 1. Сергиев Посад, 1996. С. V.

¹² Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право. С. 86.

¹³ Цыпин В.А., прот. Каноническое право. М., 2009. С. 615.

¹⁴ Там же. С. 124.

Вместе с тем определения понятия «канон», данные указанными авторами, могут показаться синонимами таких понятий, как «правило», «церковно-правовая норма», «апостольское законоположение» и т.п. Если же обратить внимание на источник закрепления канонов, то подобный взгляд окажется не совсем правильным, поскольку каноны — основополагающие правила, установленные верховной властью Вселенской (апостолами, Вселенскими Соборами) или поместной Церкви (поместными соборами), т.е. каноны — правила, имеющие универсальное содержание и наивысшую юридическую силу среди норм церковного права (поскольку они установлены высшей церковной иерархией, распространяются на всю Церковь, на всех ее членов и на всем пространстве действия церковного права), которым в светском праве в определенной мере соответствует понятие «принципы права».

Свойства и виды канонов. Хотя каноны, как и принципы в светском праве¹⁵, имеют универсальное содержание (наивысший уровень обобщения), наивысшую юридическую силу и императивный характер воздействия, нельзя утверждать, что они в церковном праве в полной мере являются аналогом (альтернативой) принципов в светском праве, не только потому, что они применяются церковной властью повседневно. Например, Правило 1-е Правил святых апостолов, которое гласит: «Епископа да поставляют два или три епископа». А в соответствии с Правилем 6-м епископ, или пресвитер, или диакон да не приемлют на себя мирских попечений. А иначе да будут извержены от священного чина. Правило 12-е предписывает: «Если кто из клира, или мирянин, отлученный от общения церковного, или недостойный принятия в клир отошел, в ином городе принят будет без представительной грамоты: да будет отлучен и принявший, и принятый». В соответствии с положениями Правила 29-го, если «епископ, или пресвитер, или диакон деньгами сие достоинство получит: да будет извержен и он, и поставивший, и от общения совсем да отсечется, как Симон волхв Петром»¹⁶, в то время как к принципам светского права прибегают в тех редких случаях (по аналогии), когда отсутствует специальная норма¹⁷.

«Нормы права церковного отличаются от норм, установленных государством, тем, что первые имеют более нравственно-принудительный характер:

¹⁵ Подробнее см.: Общая теория государства и права: академ. курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. С. 95—98.

¹⁶ Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и Святых Отец. М., 2004. С. 12—14, 17.

¹⁷ См., напр.: ч. 6 ст. 13 АПК; ст. 6 ГК РФ; ч. 3 ст. 11 ГПК РФ; ст. 5 СК РФ. Но аналогия закона не допускается, например, Уголовным кодексом РФ.

Церковь, которая по преимуществу есть царство свободы, не может употреблять физической силы, как то делает государство; она действует только с помощью духовных средств. Несмотря, однако, на это отличие норм церковных от норм государственных, церковное право со всей справедливостью должно считаться правом в собственном смысле...»¹⁸. Главным образом потому, что каноны в церковном праве имеют боговдохновенный, мистический характер. Поскольку каноны являются боговдохновенными основополагающими правилами, они вполне относятся к естественному, т.е. божественному, праву, как его понимали юристы в античный и средневековый периоды. Общеизвестно, что «в состав канонического свода входят Правила Святых Апостолов, каноны шести Вселенских и десяти Поместных Соборов и правила тринадцати Отцов»¹⁹. Включение в Канонический корпус правил Вселенских Соборов не нуждается в пояснении. Эти Соборы — орган вселенского епископата, носителя высшей церковной власти. Вселенские Соборы, по учению Церкви, непогрешимы. Их непогрешимость вытекает из догмата о непогрешимости Церкви.

Еще одним свойством канонов, внешне сходным с их непогрешимостью, является их неизменяемость. Споры на тему изменяемости канонов ведутся не один год²⁰, хотя некоторые канонисты, например проф. Н.С. Суворов, смешивают непогрешимость Соборов (вернее, их догматические определения — оросы) с изменяемостью церковно-правовых норм, в том числе и тех, которые установлены Вселенскими Соборами. Думается, что понятия непогрешимости и неизменяемости не следует отождествлять. Канонические постановления, например, Вселенских Соборов, основанные на божественном праве, неизменны и абсолютны и не могут быть отменены никаким церковным

¹⁸ Цыпин В.А., *прот.* Церковное право. С. 6.

¹⁹ Законодательство Поместного Собора распространяется лишь на поместную Церковь, а не на Вселенскую. Поместных Соборов в истории Церкви были тысячи, но правила лишь 10 из них вошли в Канонический корпус. Их включение в него основано на авторитете признавших их Вселенских Соборов (2 прав. Трулл. Соб.). То же самое относится и к правилам Отцов. Авторитет этих правил покоится не на одной только законодательной власти Отцов как епископов, ибо эта власть распространяется лишь на пределы одной епархии, и даже не на святости Отцов (в Канонический свод входят правила Тимофея и Филофея Александрийских, которые не были прославлены), а на признании Отеческих правил Вселенскими Соборами. На рецепции — общецерковном признании — покоится вселенский авторитет канонов Константинопольских Соборов 861 и 879 гг. и канонического Послания святого Тарасия, которые уже не рассматривались Вселенскими Соборами. Подробнее см.: Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право. М., 2009. С. 172—178.

²⁰ Подробнее см.: Осавелюк А.М. Указ. соч. С. 29—34.

авторитетом. Они отличаются от догматических определений только лишь по содержанию.

В этом вопросе, видимо, следует согласиться с Н. Н. Афанасьевым, который считает, что, «как бы мы ни определяли право, догматы во всяком случае не принадлежат к области права. Все, что содержится в Священном Писании, относится к области веры и морали. Христос не оставил никаких канонических определений, которые бы определяли устройство Церкви в ее историческом бытии»²¹.

Другими словами, если каноны — базовая часть «соборных постановлений суть часть предания церковного и встречая в них какое-либо несогласие с нашим догматическим представлением о Церкви, мы должны проверять наше представление о Церкви или наше понимание самих канонов, а не делать опрометчивых заключений о неверности или непригодности самих канонов»²².

Более того, Трулльский Собор, перечисляя постановления, имеющие обязательную силу, неизменный и богодухновенный характер, добавляет: «Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменять или отменять и кроме предложенных правил принимать другие» (Прав. 2). Еще более определенно и энергично заявляет 7-й Вселенский Собор: «Божественные правила с услаждением приемлем, и всецелое и непоколебимое сохраним постановление сих правил, изложенных от всехвальных апостолов, святых труб Духа и от шести Вселенских Соборов и поместно собиравшихся для издания таковых заповедей, и от Святых Отец наших. Ибо все они, от единого и того же Духа быв просвещены, полезное узаконили». Так как «если пророческий голос повелевает нам вовек хранить сведения Божия (τα μαρτυρία του Θεου) и жить в них, то явно есть, что эти пребывают несокрушимы и непоколебимы» (Прав. 1)²³.

Кроме того, как мы уже отмечали, многие отечественные богословы исходят из того, что оросы догматов имеют определенное историческое значение и получали наполнение своего содержания в процессе исторического развития²⁴.

Например, в каноне I-го Апостольского правила установлено: «Епископа да поставляют два или три епископа». Позднее этот канон получал

словесное оформление в несколько иных словесных формулах (оросах). Например, в правиле 4-м I Вселенского Собора оно сформулировано так: «Епископа поставляти наиболее прилично всей области епископам. Аще же сие неудобно или по надлежащей нужде, или по дальности пути: по крайней мере три во едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамот: и тогда совершати рукоположение. Утверждати же таковыя действия в каждой области подобает ея митрополиту»²⁵. В 13-м правиле Карфагенского Поместного Собора оно установлено: «Многие епископы, собравшись, да поставляют епископа. А по нужде три епископа, в каком бы месте ни были они, по повелению первенствующего, да поставят епископа. И аще кто поступит в чем-либо вопреки своему согласию или подписанию, сам себя лишит чести»²⁶. В конечном итоге, какими бы ни были словесные формулы, существование канона 1-го правила Святых Апостолов остаётся неизменным: «Епископа да поставляют два или три епископа».

Апостол Павел также пишет об эволюции формулы Откровения: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне» (Евр. 1, 1—2). В Ветхом Завете Бог постепенно открывал через пророков план спасения человечества и истинное ведение о Себе. Причем Он открывал истину не прямо, а во многих образах, приспособляясь к способности восприятия людей. Святитель Василий Великий пишет: «Домостроитель нашего спасения вводит нас, подобно глазу человека, выросшего во тьме, в великий свет истины после постепенного к нему приучения, потому что шадит нашу немощь..., приучая (нас) сперва видеть тени предметов и в воде смотреть на солнце, чтобы, приступив вдруг к зрению чистого света, мы не омрачились. На этом-то основании и придуман Закон, являющийся тенью будущих благ (Евр. 10, 1), и предображения у пророков — эти гадания истинны, для обучения очей сердечных, чтобы удобным для нас сделался переход от них к мудрости в тайне сокровенной»²⁷. Явление Бога во плоти проясняет смысл ветхозаветных прообразов. Христос раз и навсегда открыл верующим всё необходимое для их спасения.

Святой Марк Эфесский (XV в.) объяснял некоторую недосказанность в сочинениях древних Святых Отцов по вопросу о Божественных энергиях

²¹ Афанасьев Н. Н. Указ. соч. С. 99, 100.

²² Аксаков Н. П. К вопросу о составе церковного собора // Богословский вестник. 1906. Июнь. С. 212, 213.

²³ См.: Афанасьев Н. Н. Указ. соч. С. 92—109.

²⁴ См.: Глубоковский Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002; преосвящ. Макарий (Булгаков). Православно-догматическое богословие. Т. 1. 4-е изд. СПб., 1883; преосвящ. Филарет (Гумилевский). Православное догматическое богословие. 3-е изд. Чернигов, 1882.

²⁵ Книга Правил Святых Апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и Святых Отец. С. 32, 33.

²⁶ Там же. С. 190.

²⁷ Св. Василий Великий. О Святом Духе. Гл. 14. Цит. по: Архим. Алипий (Белов), архим. Исаия (Кастальский-Бороздин). Догматическое богословие М., 1998. С. 16, 17.

мудрой икономией Церкви и отмечал: «Не надо удивляться, что мы не встречаем у древних ясного и четкого различия между сущностью Божией и Его действиями. Если в наше время после торжественного утверждения истины и всеобщего признания Божественного единоначалия сторонники светской науки причинили по этому поводу столько затруднений Церкви и обвинили ее в многобожии (имеются в виду Варлаам и его последователи), чего бы не сделали в прежние времена те, которые гордились своей суетной мудростью и искали лишь случая, чтобы уловить учителей Церкви в каких-либо ошибках. Поэтому богословы более настаивали на простоте Божества, нежели на имеющихся в Нем различиях. Не следовало принуждать к признанию различия божественных энергий тех, кто с трудом допускал различие Ипостасей (Лиц Святой Троицы). С мудрой осторожностью Божественные догматы были раскрыты сообразно временам»²⁸.

Хотя каноны распространяют свое воздействие на всю Вселенскую Церковь, особенности их содержания позволяют им по-разному действовать в разных сферах церковных правоотношений. Часть канонов по этому основанию имеют институциональное и отраслевое распространение, действуя в строго ограниченной сфере. Примером таких канонов являются положения уже известного 1-го Апостольского правила. 2-е Апостольское правило также имеет подобное содержание: «Пресвитера и диакона, и прочих причетников да поставляет один епископ».

Совершенно иное содержание имеет 29-е Апостольское правило: «Если епископ, пресвитер или диакон сие достоинство получит за деньги, то да будет извержен и он, и поставивший его, и от общения совсем да отсечется, как Симон волхв Петром» (1 Пет. 2:23). Оно распространяется не только на священнослужителей, поэтому имеет в известной мере общецерковный характер.

Поскольку священство есть дар Божий, то принятие его в обход установленного порядка за деньги свидетельствует, что заинтересованное лицо искало его не для служения Богу, а своекорыстно, как хотел его получить Симон волхв (Деян. 8:18—24). От этого всякое подобное деяние называется «симония». В таком акте тяжело грешит как ищущий священства, так и дающий его не ради пользы Церкви, а своекорыстно. Это очень тяжелый грех против самой сущности священства как установленного Богом жертвенного служения. Поэтому оно влечет за собой кару и для того, кто незаконно получил рукоположение, и для того, кто совершил таковое за мзду. В рамках каждого канона

действует множество частных как материальных, так и процессуальных норм церковного права.

Взаимодействие канонов с другими нормами церковного права можно проследить на примере реализации уже известного читателю 1-го Апостольского правила. Как было показано выше, его генеральная (универсальная) норма должна быть выполнена неукоснительно. Но канон не указывает, когда, как, где, кем еще (кроме двух или трех епископов) и в какой последовательности должно происходить рукоположение епископа. Ответ на эти вопросы дают «рядовые» нормы церковного права.

Как отмечает Нижегородский и Арзамасский архиеп. Вениамин, при избрании архиерея особенно важно, чтобы были соблюдены многочисленные частные правила. Одно из них состоит в том, чтобы на архиерейскую степень никто не восходил сам собою без соборного или синодального избрания. В отличие от неё, прочих низших степеней, начиная от чтеца до священника, может искать всякий, кто пожелает²⁹.

Данное правило, как считается, сложилось с избрания апостолом Матфея. Хотя апостольский приговор начался от апостолов, когда произведен Матфей в чин двенадцатого апостола на место отпавшего Иуды, но избрание ведет свое начало от Самого Спасителя. Когда Он избрал Андрея, Петра, Иоанна, Иакова, Филиппа, Нафанаила, Матфея и прочий лик учеников, то сказал им: «Не вы Меня избрали, но Я избрал вас, да идете и плод принесете, и плод ваш пребудет» (Ин. 15:16). Следовательно, от Него и чрез священнослужителей Его должны быть избираемы и рукополагаемы поставляемые во епископов. Поэтому в 1-м Апостольском (и в 4-м правиле I Вселенского Собора) читаем: «епископа да поставляют два или три епископа».

Симеон Солунский (гл. 189) так описывает следующие правила: «Когда все архиереи или по нужде — три соберутся для собрания, тогда первенствующий архиерей повелевает им сесть на священном месте и приступить к избранию, но сам с ними не присутствует в это время, образуя тем Богочеловека Иисуса, ибо, хотя он телесно и не присутствует, однако, преподав свою власть, он действует чрез своих избранных; и не в сем только действии он занимает место Христово, но и в том, что он заключает и как бы запечатлевает божественное избрание. А чтобы не подумали, что избрание производится без его содействия, так как он не присутствует и не избирает вместе с другими архиереями, для сего он посылает к ним своего

²⁸ Там же. С. 40, 41.

²⁹ Вениамин, архиеп. Нижегородский и Арзамасский. Новая Скрижаль или Объяснение о Церкви, о Литургии и всех службах и утварях церковных: в 2 т. Т. I. Репринт. изд. М., 1992. С. 35, 36.

местоблюстителя, избранного из высших лиц клира, приличествующего собранию архиереев, который бывает особенно назначен, для сего и есть хартофилак (в РПЦ — секретарь патриарха. — *А.О.*). Посему он и занимает среднее место между архиереями не как хартофилак и не потому, чтобы он имел кафедру среди епископов, но как местоблюститель великого архиерея. Присутствуя с архиереями, он предлагает вопросы епископам по чину, но сам не избирает вместе с ними»³⁰.

В практике Русской Православной Церкви наречение во епископа совершается в храме отдельно от хиротонии по чину, сложившемуся не позднее XVII в. Наречение во епископа состоит в том, что за один или несколько дней до самого рукоположения соответствующие молитвы произносит, возложив на себя епитрахиль, патриарх или первенствующий архиерей. Затем управляющий делами Московской Патриархии (или экзархии) читает нарекаемому во епископа указ о его избрании. Архиереи, облаченные в мантии, рассаживаются среди храма по старшинству. Избранный на архиерейское служение подводится двумя архимандритами к престолу, целует престол, кланяется патриарху (или первенствующему архиерею, если патриарх не участвует в хиротонии) и вместе с ними выходит через боковые двери алтаря. Все трое получают благословение от патриарха, а затем от каждого из присутствующих архиереев.

Следующее правило состоит в объявлении. Называется имя избранного и объявляется, что Святейший Патриарх Московский и всея Руси (имя) и Священный Синод Русской Православной Церкви благословляют его быть епископом конкретного города. Название города здесь имеет глубокий смысл: епископское служение всегда связано с конкретным городом и областью, подобно тому как служение диакона и священника связано с конкретным храмом. Ставленник отвечает, что благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси (имя) и Священного Синода Русской Православной Церкви быть епископом богоспасаемого града (название) со благодарением и беспрекословно принимает.

Следует краткий молебен, в котором по традиции не участвуют ни хор, ни пресвитеры, ни диаконы: ектении и возгласы произносит патриарх, поют сослужащие ему епископы. Это указывает на «семейный» характер торжества: избранный на епископское служение входит в семью архипастырей — преемников и продолжателей дела апостолов.

Святитель Симеон Солунский (в гл. 191) так изъясняет это правило: «Первенствующий из

епископов, возложив на себя епитрахиль, изображающую высшую благодать, и поклонившись трижды на восток в Троице сущему Богу, благословляет Его, ибо в величайших и божественных делах должно, как и научились мы, всегда начинать с Бога. Его прежде всего должно благословлять, к Нему обращаться с молитвою о ниспослании на себя благодати Духа и потом уже предаваться божественному делу...»³¹.

После исполнения архиереями соответствующих молитв патриарх произносит ектению, в которой содержится отдельное прошение «о всечестнем архимандрите (имя), новоизбранном во епископа». Затем все архиереи садятся на приготовленные для них кафедры. Кандидат читает слово при наречении, в котором излагает свое видение архиерейского служения. Слово при наречении представляет собой своего рода программу будущего архиерея. Вместе с тем в него традиционно включается благодарность тем людям, кому кандидат обязан своим духовным становлением.

Чин архиерейской присяги совершается обычно перед началом литургии, на которой избранный на епископское служение будет рукоположен. Это правило имеет весьма древнее происхождение. О нем в VII в. упоминает святитель Софроний Иерусалимский: «Есть в Святых Церквах по всей Вселенной древнее апостольское предание, по которому те, кои возводятся на степень священноначалия, обязываются старейшим священноначальником откровенно изложить, как они мудрствуют и как содержат веру. Это предание ведет свое начало от премудрого апостола Павла, который предостерегает, чтобы кто-либо из таковых не тщетно бежал на ристалище» (1 Кор. 9:24).

В основных чертах чин присяги, употребляемый ныне в Русской Церкви, воспроизводит аналогичный чин XVII в., переведенный с греческого и адаптированный к местной практике. В начале чина присяги архиереи, участвующие в хиротонии, выходят из алтаря в полном литургическом облачении на середину храма и рассаживаются по старшинству. Священники по старшинству становятся по обе стороны. Затем протопресвитер (старший священник) и протодиакон (старший диакон) берут благословение у архиереев, заходят в алтарь и ведут оттуда ставленника, облаченного в священнические литургические одежды. Его ставят на орлеце, развернутый в сторону запада, у нижнего края³². Протодиакон возглашает: «Приводится

³¹ Там же. С. 38, 39.

³² В числе многих украшений как при посвящении, так и при всяком священнослужении архиерей имеет *орлецы*, на которых изображаются град и птица — орел. Град изображается в знак его епископства во граде, а орел — в знак чистого

³⁰ Цит. по: *Вениамин, архиеп. Нижегородский и Арзамасский*. Указ. соч. Т. 1. С. 37.

боголюбнейший, избранный и утвержденный архимандрит (имя) хиротонисается во епископа богоспасаемого града (название)».

После этого патриарх (или первенствующий архиерей) спрашивает, чего ради пришел претендент и чего просит. Поставляемый отвечает: хиротонию архиерейской благодати. Патриарх задает последовательно три вопроса и так же получает ответы: как ставленник верует? (тот читает Символ веры); как ставленник исповедует свойства Святой Троицы? (ставленник читает изложение догмата веры об Ипостасях Троицыного Бога); как он соблюдает каноны Святых Апостолов, Святых Отец и предания и установления церковные? (ставленник дает клятву неукоснительно соблюдать каноны Святых Апостолов, Вселенских и поместных Соборов и правила Святых Отцов, хранить церковные предания и Уставы, соблюдать церковный мир, повиноваться патриарху и другим епископам, в страхе Божиим управлять своей паствой). После каждого ответа патриарх благословляет ставленника.

Затем ставленник во всеуслышание объявляет, что он восходит на архиерейское служение не благодаря серебру или золоту, а по избранию патриарха и синода. Он обещает ничего не делать по принуждению от сильных мира сего или от толпы, даже если ему будут угрожать смертью, не литургисать в чужой епархии, не рукополагать клириков для чужой епархии и не принимать клириков чужой епархии в свою без отпусковой грамоты. Ставленник также обещает «посещать и назирать» врученную ему паству «и смотреть с прилежанием, учить и запрещати, дабы расколы, суевверия и ереси не умножились и дабы противнии христианскому благочестию и благонравию обычаи не повреждали христианского жития». С противниками Церкви ставленник обещает поступать кротко, а к властям своей страны относиться лояльно («быти верен властям богохранимыя страны нашея»).

По окончании присяги патриарх благословляет ставленника и произносит: «Благодать Святаго Духа чрез Нашу Мерность производит тя, боголюбнейшаго архимандрита (имя), избраннаго епископа богоспасаемого града (название города)». Ставленник кланяется архиереям трижды

и правого богословского учения по подражанию тому орлу, который изображается при Иоанне Богослове. Симеон Солунский (в гл. 200) в изъяснение сего говорит: «Избранный же стоит на написанном граде, который являет его епископство; на верху сего града изображено подобие орла в знамение чистого, правого и высокого богословия, что самое изображают и на иконах сына грома, богослова, ученика, девственника и наперсника Христова. Для выражения этой же мысли орел имеет сияние, как бы являя свет богословских знаний и благодатное дарование» (см.: там же. С. 39).

и подходит под благословение к каждому из них³³. Затем он подписывает текст произнесенной присяги и вручает его патриарху. Принимая присягу, патриарх произносит: «Благодать Пресвятаго Духа да будет с тобою». Посвящаемого уводят в алтарь и ставят на приготовленный орлец. С этого момента он считается «избранным епископом», хотя еще не получил рукоположение.

В отличие от описанных выше правил церковного права, регламентирующих процедуру, а также прав и обязанностей соответствующих участников рукоположения, сам чин рукоположения во епископа, совершаемый на Божественной литургии, представляет собой одно из церковных таинств, после которого епископ имеет право не только освящать Дары, но и совершать рукоположения во священника и во диакона.

По окончании литургии новопоставленный епископ получает от всех участников хиротонии благословение на ношение архиерейской мантии. Архиереи — уже в мантиях — вновь выходят на середину храма. Новопоставленный архиерей выходит после всех и становится лицом к рукоположившим его собратьям. Патриарх (первенствующий архиерей) по традиции произносит слово назидания, в котором говорит о смысле епископского служения. После этого он вручает новопоставленному архиерею жезл как символ епископской власти. Приняв в левую руку жезл, архиерей благословляет народ.

Из приведенного примера видно, что каноны как основополагающие юридические правила отличаются от других норм церковного права своим универсальным содержанием, т.е. они распространяют свое действие на всех участников соответствующего правоотношения, на все виды правоотношений, подпадающих под предписание соответствующих канонов, и на всю Вселенскую Церковь. Поэтому они получили закрепление в таких же универсальных источниках церковного права (апостольских правилах, постановлениях Вселенских Соборов). Имеют наивысшую юридическую силу.

³³ Причины этого поклонения и целования объясняет Симеон Солунский (в гл. 201): «Избранный восходит на средину и поклоняется сидящему архиепископу, как бы Самому Богу, и в знамение своего служения целует его десницу, как служительницу божественного действия, имеющую рукополагать его. Отходя к избравшим его епископам, он целует и их руки — в знак того, что он вступает в их чин и в залог любви и мира с ними во Христе. Итак, избранный уже получил залог церкви и с настоящего времени есть ее обручник, принявший вместо перстня печать церковного благословения». До времени посвящения избранный стоит в диаконике или в приделе на южной стороне алтаря и на малый вход не исходит. «Одеянный и украшенный набедренником, на малый вход он не выходит вместе с другими как лицо, имеющее увенчаться Христу; и потому вводится в алтарь с особенною честью и с препровождением от других: это и есть вход его» (см.: там же. С. 40).

Поэтому в случае противоречия им любой другой нормы будет действовать предписание канона. Обладают обязательной юридической силой и не допускают никаких отступлений.

В отличие от них остальные нормы могут иметь определенные отличия, отражающие особенности поместных церквей, исторические традиции и т.д.³⁴ В рамках соответствующего канона, как видно из приведенных примеров, действует множество других норм; они могут иметь в рамках действия этого канона различный характер воздействия на соответствующие правоотношения. Из приведенного примера хиротонии во епископа видно, что некоторые нормы регулируют стадии хиротонии, их последовательность и сроки (например, избрание (наречение) во епископа; хиротония; окончательное посвящение). Другие же нормы посвящены установлению соответствующих прав на совершение требуемых действий в рамках каждой стадии (например, на стадии хиротонии по трисвятом пении рукополагаемый приводится протопресвитером и протодиаконом пред царские двери).

И те, и другие виды норм, в отличие от канона, имеют конкретный характер. Вместе с тем своей конкретикой и установлением условий совершения участниками хиротонии конкретных действий в конкретном месте и в конкретное время они наполняют канон соответствующим вполне конкретным содержанием и делают его предписания незыблемыми.

Это выражается в том, что нормы требуют при совершении чина хиротонии, чтобы он осуществлялся в храме, в алтаре, в собрании молящегося народа во время литургии. Молящиеся призваны свидетельствовать о рукополагаемом при самом его поставлении пением слова «аксиос» хором от лица народа. Как видим, данные нормы указывают на место совершения хиротонии (храм, алтарь), время совершения (литургия), определенную часть участников, необходимую на этой части совершения хиротонии (поставляемый, 2 или 3 поставляющих архиерея, протоиерей, протодиакон, молящиеся) и их действия (избрание, рукоположение, пение слова «аксиос» хором от лица народа и др.).

Как отмечает протоиерей Владислав Цыпин, роль других норм, конкретная реализация которых делает хиротонию действительной, заключается в том, что они устанавливают конкретный ряд требований, направленных на то, чтобы она совершалась в определенном порядке: от низших степеней

к высшим, чтобы никто не поставлялся на высшую степень, минуя низшую. Срок пребывания на каждой из иерархических степеней не определен в канонах. Вместе с тем в них предусмотрено следующее: кандидат на более высокую степень должен успеть обнаружить способность к занятию ее достойным исполнением своего служения на низшей степени (Сард. 10; Двукр. 17)³⁵.

Он также отмечает, что Вальсамон в толковании на 17-е правило Двукратного Собора утверждал: «Рукоположение на каждую степень по необходимости (то есть по нужде) должно совершаться через 7 дней». Практике, однако, известны случаи, когда срок прохождения служения на низшей степени перед рукоположением на высшую был меньше (как правило, при посвящении диакона в пресвитеры).

Хиротония действительна, как видно из приведенного выше чина, если она связана с назначением на определенное место, в определенный город (епархию). В Православной Церкви не допускается так называемое абсолютное рукоположение, дающее сан без определенного места служения.

Здесь уместно сказать еще об одном важном свойстве канонов, которое характеризует не столько их взаимодействие с другими нормами, сколько взаимодействие самих канонов, поскольку благодаря универсальному содержанию канонов они взаимосвязаны и взаимозависимы. Это означает, что, выполняя требование одного канона, нельзя игнорировать выполнение других. И наоборот, нарушение требований одного канона неминуемо влечет нарушение других. Указанное свойство канонов позволяет обеспечивать правопорядок во всей Вселенской Церкви, а самим канонам — служить критерием законности.

Продемонстрируем это на примере взаимодействия уже известного нам 1-го Апостольского правила, 29-го, 30-го, 68-го Апостольских правил, 4-го правила II Вселенского собора, 6-го правила Халкидонского Собора и др.

6-е правило Халкидонского Собора гласит: «Решительно никого, ни во пресвитера, ни во диакона, ни же в какую степень церковного чина не рукополагать иначе, как с назначением рукополагаемого именно к церкви градской или сельской, или к мученическому храму, или к монастырю. О рукополагаемых же без точного назначения Святейший Собор определил: поставление их почитать недействительным, и нигде не допускать их до служения, к посрамлению поставившего их»³⁶.

³⁴ Например, как уже отмечалось, в основных чертах чин присяги, употребляемый ныне в Русской Церкви, воспроизводит аналогичный чин XVII в., переведенный с греческого и адаптированный к местной практике.

³⁵ См.: *Протоиерей Владислав Цыпин*. Указ. соч. С. 280.

³⁶ Книга Правил святых апостол, Святых Соборов Вселенских и поместных и Святых Отец. С. 55.

Непременным условием действительности рукоположения во епископа является то, что оно не должно совершаться на место архиерея, законно занимающего кафедру, потому 4-е правило II Вселенского Собора отвергло действительность хиротонии некоего Максима Киника на Константинопольскую кафедру, занятую св. Григорием Богословом. Указанное правило гласит: «О Максиме Кинике и о произведенном им безчинии в Константинополе: ниже Максим был или есть епископ, ниже поставленные им на какую бы то ни было степень клира: и соделанное для него, и соделанное им — все ничтожно»³⁷.

Зонара так писал об обстоятельствах, подвигших Отцов Собора установить его: «Этот Максим был египтянином, философом, циником. Циниками эти философы назывались за их наглость, дерзость и бесстыдство. Пришедши к великому Отцу Григорию Богослову и быв оглашен, он был крещен. Потом был причислен и к клиру и совершенно приближен к сему Святому Отцу, так что и пищу имел с ним вместе. Но, возжелав архиерейского престола в Константинополе, он посылал деньги в Александрию и оттуда призывает епископов, которые должны были рукоположить его в архиерея Константинопольского при содействии одного из самых близких к Богослову. Когда они были уже в церкви, однако же прежде совершения посвящения, верные об этом узнали и их прогнали. Но и по изгнании они не успокоились, а удалившись в дом одного музыканта, там рукоположили Максима, хотя он не извлек никакой выгоды из этого злодеяния, ибо не мог ничего и совершить. И так настоящим правилом он отлучен от Церкви собравшимися на II Собор Святыми Отцами, которые определили, что он не был и не есть епископ, потому что был рукоположен незаконно, и что рукоположенные им не суть клирики. А напоследок, когда открылось, что он держится Аполлинариевых мнений, он был предан анафеме».

Среди преступлений Максима Киника Зонара упоминает и симонию. Присутствие греха симонии при поставлении на священную степень согласно канонам является таким обстоятельством, которое упраздняет действие благодати, делает рукоположение недействительным.

29-е Апостольское правило гласит: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон деньгами сие достоинство получит, да будет извержен и он, и поставивший, и от общения совсем да отсечется»³⁸. О симонии идет речь и в Канонических посланиях Константинопольских Патриархов — св. Геннадия и св. Тарасия.

Согласно 30-му Апостольскому правилу епископы, которые получили свой сан чрез мирских начальников, подвергаются извержению и отлучению: «Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен и все сообщающиеся с ним»³⁹.

Вальсамон в толковании на 29-е и 30-е Апостольские правила пояснял: «Но, может быть, кто спросит, поелику 30-е правило упоминает об одном епископе, а равно и 29-е не упоминает об иподиаконах и чтецах, то как поступить, если кто делается по ходатайству светского начальника пресвитером или диаконом, или иподиаконом, или чтецом? Решение: и они должны подлежать извержению и отлучению на основании последних слов настоящего 30-го правила, где говорится, что не одни главные виновники зла извергаются и отлучаются, но и сообщники их». Аргументация не совсем убедительная, но вывод, бесспорно, верный. Нет разумных оснований не распространять действие этого правила, направленного против симонии и на церковнослужителей.

Таким образом, сочетание и взаимосвязь положений указанных канонических правил позволяют осуществить действительную хиротонию (1-е правило), не оставив поставленного епископа без места службы (6-е правило), не лишив места службы другого епископа (4-е правило), путем предотвращения преступления (29-е правило) и исключения хиротонии, совершенной лицами, не имеющими никаких прав на ее совершение (30-е правило).

С указанными канонами тесно связаны положения, содержащиеся в 68-м Апостольском правиле: «Аще кто епископ или пресвитер, или диакон приемлет от кого-либо второе рукоположение, да будет извержен от священного чина, и он, и рукоположивший; разве аще достоверно известно будет, что от еретиков имеет рукоположение. Ибо крещеным или рукоположенным от таковых, ни верными, ни служителями Церкви быть невозможно». Зонара, толкуя это правило, писал: «О двукратном рукоположении можно различно думать; ибо рукополагаемый второй раз ищет второго рукоположения: или потому, что осуждает рукоположившего его в первый раз, или потому, что от рукоположившего его во второй раз надеется принять некую большую благодать Духа и освятиться, так как имеет в него веру, или, может быть, оставив священство, опять рукополагается как бы сначала, — и по другим причинам. Каким бы образом ни сделал это, но и дважды рукоположенный, и рукоположивший его подлежат извержению, исключая того случая, если первое рукоположение было от

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Там же. С. 16.

³⁹ Там же.

еретиков, ибо ни крещение еретиков не может никого сделать христианином, ни рукоположение их не сделает клириком. Итак, рукоположенных еретиками вновь рукополагать нет опасности».

Следовательно, важным условием законности акта хиротонии является ее неповторяемость. Рукоположение, единожды правильно совершенное, не повторяется ни при каких условиях. Повторение его означало бы отрицание действительности ранее совершенной хиротонии.

Таким образом, можно констатировать, что каноны в церковном праве, с одной стороны, предназначены для того, чтобы своими руководящими предписаниями указать пределы и способы упорядочения церковных правоотношений конкретными правилами и в конечном итоге наполнить каноны конкретным и многообразным содержанием, выстроить соответствующую иерархию из различных норм. С другой стороны, своей высшей юридической силой и универсальным содержанием каноны призваны служить критериями законности, не допускающими ни пробелов, ни противоречий в правовом регулировании церковных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксаков Н. П.* К вопросу о составе церковного собора // Богословский вестник. 1906. Июнь. С. 212, 213.
2. *Архим. Алипий (Белов), архим. Исаия (Кастальский-Бороздин).* Догматическое богословие М., 1998. С. 16, 17, 40, 41.
3. *Афанасьев Н. Н.* Неизменное и Временное в Церковных Канонах // Живое Предание. М., 1997. С. 92—109.
4. *Вениамин, архиеп. Нижегородский и Арзамасский.* Новая Скрижаль или Объяснение о Церкви, о Литургии и всех службах и утварях церковных: в 2 т. Т. 1. Репринтное изд. М., 1992. С. 35—39.
5. *Глубоковский Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002.
6. *Иустин Попович, архимандрит.* Догматика Православной Церкви. Кн. 3. Београд, 1978. С. 257.
7. Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и Святых Отец. М., 2004. С. 12—14, 16, 17, 32, 33, 41, 55, 190.
8. *Кроткова Н. В.* Теоретико-правовая наука на современном этапе. «Круглый стол»: «Обсуждение книги «Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 576 с.; 816 с.; 720 с.» // Государство и право. 2014. № 4. С. 18, 19, 24—26, 28—30.
9. *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права. М., 2008. С. 515.
10. *Мальцев Г. В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000. С. 37, 38, 81—83.
11. *Никодим, епископ Далматинский.* Православное церковное право. Составлено по общим церковно-юридическим источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях / пер. с сербск. Мил. Г. Петровича. СПб., 1897. С. 10, 86.
12. Общая теория государства и права: академич. курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 2 «Право». М., 2013. С. 95, 97, 98, 102, 14—170, 415—506.
13. *Осавелюк А. М.* О некоторых проблемах канона в церковном праве // Государство и право. 2015. № 4. С. 28—34.
14. *Папаян Р. А.* Христианские корни современного права. М., 2002.
15. Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского / пер. с сербск. Предисл. Прот. Владислава Цыпина: в 2 т. Т. 1. Сергиев Посад, 1996. С. V.
16. *преосвящ. Макарий (Булгаков).* Православно-догматическое богословие. Т. 1. 4-е изд. СПб., 1883.
17. *преосвящ. Филарет (Гумилевский).* Православное догматическое богословие. 3-е изд. Чернигов, 1882.
18. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2002. С. 212—216.
19. *Протоиерей Владислав Цыпин.* Каноническое право. М., 2009. С. 124, 172—178, 280, 615.
20. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. М.; СПб., 2002.
21. *Сатолина М. Н.* Современные тенденции развития теории права // Государство и право. 2014. № 4. С. 31, 32, 34.
22. *Селюков Ф. Т.* Происхождение действующего права. М., 1997. С. 34, 132, 133.
23. *Смыкалин А. С.* Каноническое право (На примере Русской Православной Церкви XI—XXI вв.): учеб. пособие. Екатеринбург, 2013. С. 362, 363.
24. *Франк С. Л.* Смысл жизни. Берлин, 1936. С. 114—128.
25. *Цыпин В. А., прот.* Церковное право: учеб. пос. М., 1996. С. 6.
26. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М., 2002. С. 325.
27. *Чичерин Б. Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 80.

REFERENCES

1. *Aksakov N.P.* K voprosu o sostave cerkovnogo sobora // Bogoslovskij vestnik. 1906. Iyun'. S. 212, 213.
2. *Arhim. Alipij (Belov), arhim. Isaiya (Kastal'skij-Borozdin).* Dogmaticheskoe bogoslovie M., 1998. S. 16, 17, 40, 41.
3. *Afanas'ev N.N.* Neizmennoe i Vremennoe v Cerkovnyh Kanonah // Zhivoe Predanie. M., 1997. S. 92—109.
4. *Veniamin, arhiep. Nizhegorodskij i Arzamasskij.* Novaya Skrizhal' ili Ob'yasnenie o Cerkvi, o Liturgii i vsekh sluzhbah i utvaryah cerkovnyh: v 2 t. T. 1. Reprintnoe izd. M., 1992. S. 35—39.
5. *Glubokovskij N.* Russkaya bogoslovskaya nauka v eyo istoricheskom razvitii i novejsheem sostoyanii. M., 2002.
6. *Iustin Popovich, arhimandrit.* Dogmatika Pravoslavne Crkve. Kn. 3. Beograd, 1978. S. 257.
7. Kniga Pravil svyatyh apostol, svyatyh Soborov Vselen'skih i pomestnyh i Svyatyh Otec. M., 2004. S. 12—14, 16, 17, 32, 33, 41, 55, 190.
8. *Krotkova N.V.* Teoretiko-pravovaya nauka na sovremennom etape. "Kruglyj stol": "Obsuzhdenie knigi "Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs. V 3 t. / Otv. red. M.N. Marchenko. Izd. 4-e, pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 576 s.; 816 s.; 720 s." // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 4. S. 18, 19, 24—26, 28—30.
9. *Mal'cev G.V.* Nravstvennye osnovaniya prava. M., 2008. S. 515.
10. *Mal'cev G.V.* Pyat' lekcij o proiskhozhdenii i rannih formah prava i gosudarstva. M., 2000. S. 37, 38, 81—83.
11. *Nikodim, episkop Dalmatinskij.* Pravoslavnoe cerkovnoe pravo. Sostavleno po obshchim cerkovno-yuridicheskim istochnikam i chastnym zakonam, dejstvuyushchim v avtokefal'nyh cerkvah / per. s serbsk. Mil. G. Petrovicha. SPb., 1897. C. 10, 86.
12. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademich. kurs: v 3 t. / otv. red. M.N. Marchenko. 4-e izd., pererab. i dop. T. 2 "Pravo". M., 2013. S. 95, 97, 98, 102, 14—170, 415—506.
13. *Osavelyuk A.M.* O nekotoryh problemah kanona v cerkovnom prave // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 4. S. 28—34.
14. *Papayan R.A.* Hristianskie korni sovremennogo prava. M., 2002.
15. Pravila pravoslavnoj cerkvi s tolkovaniyami Nikodima, episkopa Dalmatinsko-Istrijskogo / per. s serbsk. Predisl. Prot. Vladislava Cypina: v 2 t. T. 1. Sergiev Posad, 1996. S. V.
16. *preosvyashch. Makarij (Bulgakov).* Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie. T. 1. 4-e izd. SPb., 1883.
17. *preosvyashch. Filaret (Gumilevskij).* Pravoslavnoe dogmaticheskoe bogoslovie. 3-e izd. Chernigov, 1882.
18. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva: ucheb. dlya vuzov / pod obshch. red. V.S. Nersesyanc. M., 2002. S. 212—21.
19. *Protoierej Vladislav Cypin.* Kanonicheskoe pravo. M., 2009. S. 124, 172—178, 280, 615.
20. Rossijskij gumanitarnyj enciklopedicheskij slovar': v 3 t. T. 2. M.; SPb., 2002.
21. *Satolina M.N.* Sovremennye tendencii razvitiya teorii prava // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 4. S. 31, 32, 34.
22. *Selyukov F.T.* Proiskhozhdenie dejstvuyushchego prava. M., 1997. S. 34, 132, 133.
23. *Smykalin A.S.* Kanonicheskoe pravo (Na primere Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi XI—XXI vv.): ucheb. posobie. Ekaterinburg, 2013. S. 362, 363.
24. *Frank S.L.* Smysl zhizni. Berlin, 1936. S. 114—128.
25. *Cypin V.A., prot.* Cerkovnoe pravo: ucheb. pos. M., 1996. S. 6.
26. *Cherdancev A.F.* Teoriya gosudarstva i prava. M., 2002. S. 325.
27. *Chicherin B.N.* Filosofiya prava. SPb., 1998. S. 80.

THE CONCEPT AND PLACE OF CANONS IN CHURCH LAW (ON THE EXAMPLE OF THE RANK OF CONSECRATION)

© 2019 A. M. Osavelyuk

Kutafin Moscow state law University (MSLA)

E-mail: msal_kpr@mail.ru

Received 06.03.2018

Based on the analysis of scientific publications, the provisions of the sources of Church law, the definition of the concept of “Canon” is given, its place, as well as interaction with other norms in the system of Church law on the example of the rank of consecration is shown. The unique features of Church law, as well as the special role of canons as special guiding moral and legal norms in this system of law, their relationship with the dogmas of the Church are considered. Concrete examples are given confirming that Church and secular law have much in common: they have common roots, a similar structure, some common sources of consolidation of norms, are in a single territorial and legal space, interact in solving common social problems, especially those that lie in the plane of high morality, etc. It is concluded that the canons in Church law is designed to ensure that their governing regulations to specify the limits and ways of ordering Church relations specific proto-pitchfork, and ultimately to fill the canons of the specific and diverse content. Build the appropriate hierarchy of different norms.

Key words: Church law, Apostolic rules, Ecumenical councils, Canon, dogma, consecration, Bishop, Rule of Law, sources of law, secular law, principles of law.

Сведения об авторе

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович – доктор юридических наук, профессор, академик МСА, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Authors' information

OSAVELYUK Alexey M. – Doctor of Law, Professor, academician of the ISA, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow state law University (MSLA)